

СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

Официальные командировки офицеровъ за границу.

Если военный агентъ слишкомъ долго находится при иностранной арміи, то онъ съ нею сживается и становится тамъ своимъ человѣкомъ. Это имѣетъ и хорошую и дурную сторону.

Къ военному агенту, въ особенности къ общительному, тактичному и сердечному человѣку, всѣ привыкаютъ; его меньше опасаются, а слѣдовательно даютъ большую возможность слѣдить за всѣмъ его интересующимъ. Возможность эта сама собою еще больше увеличивается для военно-уполномоченнаго и потому, что, благодаря своему долгому пребыванію въ странѣ, онъ осваивается съ языкомъ, нравами и обычаями арміи и знаетъ, такъ сказать, всѣходы и выходы. А это не малый козырь въ его рукахъ: онъ можетъ легко сдѣлаться ходячею справочною книжкою той арміи, при которой состоитъ.

Но съ другой стороны вниманіе его ко многому, вслѣдствіе привычки, притупляется и явленія, которыя несомнѣнно поразили бы своею новизною вновь прибывшаго, проходятъ часто совершенно незамѣтными для того, кто долгое время состоитъ при иностранной арміи. Передъ войною 1870—71 годовъ прусскимъ военнымъ агентомъ въ Парижѣ состоялъ полковникъ фонъ-Лое ¹⁾, который, занимая этотъ постъ долгое время, находился въ самыхъ лучшихъ условіяхъ, чтобы имѣть великолѣпныя свѣдѣнія о французской арміи. Онъ пользовался расположеніемъ двора, находился въ родствѣ по женѣ съ лучшими французскими фамиліями и былъ

¹⁾ Rothau. La politique française en 1866.

друзень со многими генералами, но смутно сознавалъ слабость Франціи и былъ чистосердечно убѣжденъ вмѣстѣ со всею мѣстной іерархическою лѣстницею, начиная съ низшихъ ступенекъ и кончая военнымъ министерствомъ, что французская армія «болѣе, чѣмъ готова». Мольтке, конечно, отлично отдавалъ себѣ отчетъ въ пристрастіи своего военного агента къ арміи, при которой состоялъ, но умѣлъ читать между строкъ въ донесеніяхъ Лое, отличавшихся массою фактическихъ данныхъ, которыя лицо, не имѣвшее связей во Франціи, не могло бы доставлять. Взвѣсивая всѣ плюсы и минусы дѣятельности Лое, Мольтке отдавалъ перевѣсъ первымъ, оставлялъ военного агента въ Парижѣ и пополнялъ минусы другими путями и средствами.

Поэтому для составленія себѣ цѣльнаго представленія объ арміи, для выясненія какой-либо технической подробности, а главнымъ образомъ для общей повѣрки уже добытыхъ другими путями свѣдѣній, почти всѣ правительства отъ времени до времени пользуются разными предлогами для официальной посылки въ иностранныя арміи своихъ офицеровъ, являющихся какъ бы временными военными агентами. Въ настоящее время вошло даже въ обычай, что каждая армія, организуя какіе либо маневры или другія военныя упражненія, интересныя въ какомъ либо отношеніи, обращается къ иностраннымъ правительствамъ съ приглашеніемъ прислать гостями нѣсколькихъ своихъ офицеровъ. «Изъ нашихъ успѣховъ въ военномъ отношеніи», сказалъ фельдцейхмейстеръ Бекъ, бывшій начальникъ австрійскаго генеральнаго штаба, одному изъ русскихъ офицеровъ, присутствовавшему на маневрахъ въ Трансильваніи въ 1895 году, «мы не дѣлаемъ секретовъ. Чѣмъ вы найдете нашу армію болѣе подготовленною къ войнѣ, тѣмъ меньше вѣроятія на нее. А это все, чего только и добивается мой маститый императоръ».

Весьма понятно, что офицеръ, присутствующій на маневрахъ, долженъ стараться вести себя скромнѣе, сдержаннѣе и деликатнѣе. Было бы самою большою ошибкою компрометировать себя, стараясь добыть тайно, косвенными путями, свѣдѣнія, которыя легко достать инымъ способомъ. Офицеръ, командированный въ специальную миссію, находится подъ покровительствомъ той арміи, при которой находится, а потому поддержки, которую онъ пользуется, обыкновенно болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы имѣть возможность исполнить возложенную на него задачу, въ особенности, если послѣдняя касается законоположеній и уставовъ, храненіе

которыхъ въ тайнѣ не составляетъ особыхъ заботъ государства. Во всякомъ случаѣ вниманіе и предупредительность, которыя военное начальство оказываетъ акредитованнымъ офицерамъ, заставляютъ ихъ довольствоваться собираніемъ свѣдѣній о предметахъ и учрежденіяхъ, доступъ къ которымъ имъ разрѣшенъ или облегченъ. Если есть основаніе опасаться, что собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія будутъ недостаточны, то офицеръ можетъ приобрести полную свободу дѣйствій, лишь отказавшись совершенно отъ поддержки властей страны, гостемъ которой состоитъ.

Обыкновенно офицеры, командируемые на маневры иностранныхъ армій, представляютъ по возвращеніи на родину отчеты о видѣнномъ ими, конечно, въ секретной формѣ. Въ печать ихъ впечатлѣнія попадаютъ очень рѣдко. Важное значеніе этихъ секретныхъ отчетовъ какъ для дѣла, такъ и для карьеры самихъ офицеровъ-составителей, заставляеть насъ нѣсколько остановиться на этомъ вопросѣ и дать нѣкоторыя указанія для ѣдущихъ за границу офицеровъ.

Надо прежде всего помнить, что цѣль поѣздки—возможно больше видѣть и слышать, а потому слѣдуетъ стараться меньше говорить. Къ сожалѣнію, очень многіе, въ особенности любители цвѣтовъ краснорѣчія, не могутъ удержаться отъ критики. Если эта критика высказывается офицерамъ маневрирующей арміи, то, конечно, всякое порицаніе и осужденіе, хотя бы самое справедливое, не можетъ нравиться хозяевамъ. Если же послѣдніе стараются выпытать впечатлѣніе словоохотливаго иностранца, то, конечно, они дѣлають это не безъ цѣли, а въ такомъ случаѣ болтливость является уже вреднымъ явленіемъ, отъ котораго наипаче надо воздерживаться. Еще менѣе основаній дѣлиться мыслями о видѣнномъ съ временными своими коллегами-иностранцами, среди которыхъ не мало любителей охоты за чужими оцѣнками, въ особенности, если онѣ дѣльны и заслуживаютъ вниманія. Отсюда выводъ: больше слушать и меньше говорить, такъ какъ слово серебро, а молчаніе золото.

Разговоры вредны еще и потому, что они мѣшаютъ наблюдать. Наблюденіе же необходимо не только для выполненія возложенной задачи, но и для самообразованія. Все, что заслуживаетъ малѣйшаго вниманія, слѣдуетъ тщательно запоминать и не лѣниться непремѣнно записывать по возможности вечеромъ или вообще оставаясь наединѣ. Многіе не стѣсняются дѣлать помѣтки и въ полѣ, что конечно болѣе обезпечиваетъ отъ забывчивости, но мы

не рекомендуемъ этого приема, производящаго дурное впечатлѣніе на чиновъ арміи, при которой офицеръ состоитъ, и которая въ иностранномъ офицерѣ всегда склонна видѣть шпиона. Къ тому же каждый можетъ поручиться за себя, что, припоминая въ хронологическомъ порядкѣ вечеромъ все, видѣнное за день, не упустить чего либо, заслуживающаго вниманія. Въ послѣднемъ случаѣ записать надо и мелочи и даже такія, о которыхъ думаешь: «ну, этого не стоитъ записывать, и такъ запомню». Но подобныхъ мелочей набирается такое множество, что, не записывая ихъ, рискуешь, при составленіи отчета, придать ему характеръ сухого и не полнаго донесенія.

Сдѣланныя замѣтки надо хранить очень осторожно, такъ какъ потерять ихъ преступно, да и нежелательно въ ущербъ полнотѣ отчета. Что лучше: сдѣланныя замѣтки ежедневно прятать въ чемоданъ и хранить подъ замкомъ, изъ боязни потерять, или возить записную книжку всегда съ собою? Въ первомъ случаѣ въ вашемъ отсутствіи могутъ не только ознакомиться съ замѣтками, но даже похитить ихъ, а во второмъ всегда подвергаешься случайности потерять книжку, что весьма легко сдѣлать второпяхъ въ полѣ. Это дилемма, которую предоставляется рѣшить каждому по своему.

Выше уже было сказано, что офицеру, офиціально посланному на маневры иностранныхъ войскъ, не слѣдуетъ прибѣгать къ какимъ либо окольнымъ путямъ для полученія интересующихъ его подробностей. Не слѣдуетъ еще этого дѣлать и потому, что всѣ иностранные офицеры находятся подъ самымъ строгимъ надзоромъ тайной полиціи, слѣдящей за каждымъ ихъ шагомъ. Легко себѣ представить неловкое положеніе иностраннаго офицера-гостя, уличеннаго въ неблаговидной попыткѣ, и могущія произойти отъ этого непріятности національнаго, служебнаго и личнаго характера.

Всякій временный военный агентъ долженъ помнить, что онъ служить предметомъ общаго вниманія арміи, народа и иностранныхъ коллегъ и потому обязанъ особенно слѣдить за собою. Одежда его должна быть безукоризненна, въ особенности при выѣздахъ въ поле; поэтому отъ ношенія потертаго платья, въ цѣляхъ экономическихъ, къ чему такъ склонны многіе, надо совершенно отказаться.

Слѣдуетъ также самымъ серьезнымъ образомъ отнестись къ пробѣ и оцѣнкѣ предложенной лошади, и нечего стыдиться просить себѣ болѣе спокойную, въ особенности, если ѣздокъ не увѣренъ въ своихъ силахъ. Нѣтъ вообще ничего ужаснаго, какъ попасть въ смѣшное положеніе, а послѣднее чаще всего въ военной

средѣ создается при паденіяхъ съ лошади на виду у всѣхъ. Поэтому къ своему коню, въ особенности въ первые дни, пока съ нимъ не освоишься, надо относиться осторожно, да и вообще не рисковать, даже при сознаніи своего искусства, на предпріятія, которыя могутъ окончиться печально. Слѣдуетъ также самому проивести осмотръ сѣдла, въ особенности потника, дабы неисправность сѣдельнаго убора не послужила причиною набитія спины лошади, что, конечно, было бы всецѣло отнесено къ неумѣнню всадника ѣздить.

Въ образѣ жизни надо жертвовать своими привычками въ пользу уставовъ монастыря, въ которомъ находишься. Чѣмъ непритязательнѣе офицеръ, тѣмъ онъ даетъ меньше заботъ состоящимъ при немъ лицамъ и прислугѣ, тѣмъ съ большимъ почтеніемъ будутъ къ нему относиться. Такъ называемыхъ «исторій», даже оканчивающихся въ пользу самого офицера, надо всячески избѣгать, удаляясь и отстраняясь отъ лицъ, опасныхъ въ какомъ бы то ни было отношеніи. Поэтому рекомендуется, особенно молодымъ офицерамъ, во все время пребыванія въ официальной положеніи, избѣгать участія въ какихъ либо кутежахъ и попойкахъ, такъ какъ «вино» всегда служитъ плохимъ совѣтникомъ.

Воздерживаться отъ спиртныхъ напитковъ слѣдуетъ также и потому, что въ нѣкоторыхъ арміяхъ часто цѣлью офицерскія корпораціи задаются цѣлью «напоить иностранца», притомъ не съ злою цѣлью, а просто изъ установившихся традицій, что гостя не слѣдуетъ выцускать трезвымъ.

На обѣдахъ, завтракахъ и въ особенности ужинахъ, надо относиться самымъ осторожнымъ образомъ къ разнымъ увѣщаніямъ и подзадориваніямъ выпить лишнее. Не имѣющимъ твердости воздержаться отъ возліяній, лучше найти благовидный предлогъ не участвовать на приглашеніи, имѣющемъ завѣдомою цѣлью попойку. Приходилось видѣть даже такіе случаи, когда иностранныхъ офицеровъ, предварительно посѣщенія ими какого нибудь особенно интереснаго военного зрѣлища или технического заведенія, хозяева старались угостить столь сытнымъ завтракомъ съ такимъ серьезнымъ возліяніемъ, что поѣздка проходила безъ всякой пользы для гостей. Тутъ, кажется, какія либо коментаріи совершенно излишни.

При этихъ командировкахъ не слѣдуетъ скупиться на раздачу прислугѣ, ординарцамъ и проч. лицамъ денегъ «на чай». Щедрость въ данномъ случаѣ облегчаетъ разныя мелочи пріѣзжающимъ послѣ васъ офицерамъ вашей арміи, къ которымъ прислуга приложитъ масштабъ, по которому оцѣнивала и васъ.

Теперь остается дать послѣдній совѣтъ относительно писанія отчета. «Пишите», сказалъ Фридрихъ Великій, «все, что вы знаете, что вамъ кажется, но никогда не лгите». Нѣтъ ничего ужаснѣе для офицера, которому, для оправданія себя, приходится потомъ говорить, что ошибся или не разсмотрѣлъ. Но еще болѣе переступно, если въ будущей катастрофѣ пришлось бы втайнѣ сознаться: «и я въ этомъ нѣсколько виновенъ».

Затѣмъ для своей собственной пользы слѣдуетъ, по возвращеніи на родину, воспользоваться первымъ же случаемъ, чтобы внимательно прослѣдить все, происходящее у себя. Подъ впечатлѣніемъ видѣннаго за границею все свое представляется въ совершенно иномъ свѣтѣ, и недостатки и хорошія черты своей арміи выступаютъ особенно рельефно. Такая сравнительная оцѣнка принесетъ пользу и для критика и для арміи.

Изъ всего только что сказаннаго явствуется насколько важень умѣлый выборъ посылаемыхъ лицъ. Отъ ихъ такта, умѣнія держать себя и нравственныхъ и умственныхъ качествъ всецѣло зависитъ успѣхъ миссій и отдѣльныхъ лицъ.

Но умѣлый выборъ получаетъ еще большее значеніе при командировкахъ офицеровъ въ азіатскія страны, гдѣ обстановка болѣе приближается къ военному времени и гдѣ каждый неумѣлый шагъ отражается не только на удачѣ порученія, но и на упроченіи или уtratѣ вліянія своего государства среди чуткихъ и впечатлительныхъ жителей Востока.

Наше правительство не упускало случаевъ или ставить во главѣ отправляемыхъ въ средне-азіатскія государства посольствъ офицеровъ или прикомандировывать послѣднихъ къ миссіямъ для выполненія, помимо цѣлей чисто дипломатическихъ, и военныхъ порученій.

Изъ ознакомленія съ дѣятельностью нѣкоторыхъ такихъ миссій можно извлечь очень много поучительнаго.

Ермоловъ ²⁾ былъ отправленъ чрезвычайнымъ посломъ въ Персію въ 1817 г. Кромѣ дипломатическихъ порученій, на него было возложено собрать подробныя свѣдѣнія: о правленіи Персіи, его способахъ, объ ея статистикѣ и географіи, а также о состояніи и силѣ ея войскъ. Въ составъ посольства входили между прочимъ: Грузинскаго корпуса оберъ-квартирмейстеръ, полковникъ Ивановъ, офицеры генеральнаго штаба: капитанъ Муравлевъ, поручикъ Ренненкампфъ, подполковникъ Щербининъ, штабсъ-капитанъ Коцебу и прапорщикъ Воейковъ.

²⁾ Русская Старина 1877 г. кн. 2. «Посольство Ермолова въ Персію».

Посольство въ 1841 году въ Хиву генеральнаго штаба капитана Никифорова ³⁾ было отправлено генераломъ Перовскимъ. Посылая своего временнаго агента въ полуварварскую страну безъ надежды имѣть съ нимъ вѣрное и частое сообщеніе, ставя его лицомъ къ лицу съ изобрѣтательнымъ на обманъ азіатскимъ правительствомъ, министерство иностранныхъ дѣлъ, кромѣ Высочайшей грамоты и письма канцлера къ хану, снабдило Никифорова еще и подробною общемою и нѣсколькими частными инструкціями, не только касавшимися цѣли и способа веденія возложенныхъ на него переговоровъ, но и обращенія съ ханомъ и главнѣйшими его совѣтниками.

Кромѣ того, капитанъ Никифоровъ получилъ отъ Оренбургскаго генераль-губернатора еще двѣ инструкціи. Первая указывала на военно-топографическія свѣдѣнія, которыя, при возможности, миссія должна собрать въ хивинскомъ ханствѣ. Свѣдѣнія эти были сгруппированы въ два отдѣла—топографическій и стратегическій. Вторая инструкція касалась подробностей выполненія экспедиціи.

Во время командировки въ Хиву Никифорову было 34 года.

Онъ былъ уменъ, честолюбивъ, интриганъ, мечтателенъ и по характеру грубъ, но безусловно человекъ смѣлый и крайне самолюбивый. Неудачи и оскорбленія, испытанныя по службѣ и сильно дѣйствовавшія на его болѣзненную натуру, развили въ его характерѣ желчность и особаго рода раздражительность. Во время поѣздки съ миссіею, Никифоровъ страдалъ аневризмомъ, о существованіи котораго, какъ онъ самъ сознается въ одномъ изъ своихъ писемъ, онъ узналъ только по прибытіи въ Хиву.

При миссіи состоялъ поручикъ Мухамедъ-Шерифъ-Рахметъ-Уланъ-Аитовъ, переведенный въ 1820 году изъ писцовъ на должность толмача въ Оренбургскую пограничную комиссію и знакомый со степью и ея обитателями. Въ составъ миссіи, кромѣ Аитова, входили: письмоводитель-офицеръ, два топографа, 12 урядниковъ и 10 киргизовъ. При миссіи слѣдовалъ, кромѣ того, Оренбургскій купецъ Дѣевъ. Миссія была снабжена подарками отъ Высочайшаго Двора хану и отъ Оренбургскаго генераль-губернатора для разныхъ сановниковъ.

Миссія не совсѣмъ удачно совершила свой путь въ виду несогласія, сразу же обнаружившагося между ея членами. Къ этому присоединилось неудовольствіе медленностью движенія, зависѣвшею отъ топографическихъ работъ.

³⁾ Н. Залѣсовъ «Посольство въ Хиву».

Ханъ встрѣтилъ миссію очень ласково, но переговоры тянулись, пося то вполне дружелюбный, то острый характеръ, и окончились неудачно. По словамъ г. Иванина, Никифоровъ крайне недипломатично обходился съ сановниками хана, выталкивая ихъ съ посольскаго двора, что дѣлалъ вѣроятно подъ вліяніемъ особаго настроенія и раздражительности.

Дипломатическое порученіе, неудавшееся Никифорову, суждено было окончить другой нашей миссіи подполковника Данилевскаго въ 1842 году. Посылка этой миссіи была вызвана слѣдующими обстоятельствами. Опасаясь разрыва съ Россіей, ханъ рѣшилъ послать вмѣстѣ съ Никифоровымъ къ нашему Двору новыхъ посланцевъ. Но посланный передалъ письмо Государю, въ которомъ хивинскій ханъ обращался къ Императору, какъ къ равному. Тогда хивинское посольство не приняли, но вмѣстѣ съ нимъ рѣшили отправить въ Хиву подполковника Данилевскаго. Министерство иностранныхъ дѣлъ снабдило его двумя инструкціями. Переговоры должны были имѣть главною цѣлью укрѣпленіе довѣрія хана къ Россіи. Вторая инструкція касалась освобожденія изъ плѣна персидскихъ невольниковъ.

Данилевскому было 40 лѣтъ; воспитаніе онъ получилъ домашнее, отличился въ Турціи и Польшѣ, участвовалъ въ походѣ въ Хиву въ 1834 году, обладалъ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній о Хивѣ и степи и по своей натурѣ представлялъ личность, совершенно противоположную Никифорову; долго былъ адъютантомъ, а потому, состоя въ блестящей свитѣ Перовскаго, Данилевскій, при замѣчательномъ къ тому же дарѣ слова и ловкости обращенія, годился бы въ военные агенты и при европейской державѣ; къ тому же онъ былъ очень образованъ.

Прибывъ въ Хиву, Данилевскій со всѣми сошелся, давалъ обѣды, понравился хану и его сановникамъ и такъ ловко велъ переговоры, что миссіа его удалась вполне.

Вернулся Данилевскій въ Оренбургъ другою дорогою. Результатомъ его работы были: генеральная карта хивинскаго ханства (масштабъ 50 верстъ въ д.), географическая карта населенной части Хивы (10 в. въ д.), глазомѣрная съемка пройденныхъ путей (2 в. въ д.). Кромѣ того, обстоятельное статистическое описаніе ханства, служившее, вмѣстѣ съ сочиненіемъ сопровождавшаго Данилевскаго натуралиста Боганера, до 1866 года лучшимъ руководствомъ по описанію ханства.

До 1870 года, въ теченіе XIX столѣтія, въ Бухару было послано четыре миссіи, а именно: 1) въ 1819—1820 г. Негри и Мелендорфа; 2) въ 1841 г. Бутенева, Лемана и Ханькова; 3) въ 1859 г. полковника Игнатьева и 4) въ 1865—1866 г. Струве и Глуховского. Неблагопріятный исходъ переговоровъ всѣхъ этихъ миссій указывалъ на трудность веденія какихъ бы то ни было дипломатическихъ сношеній съ Бухарою. Особенно памятна была судьба миссіи Струве и Глуховского, просидѣвшей семь мѣсяцевъ въ неволѣ и едва освободившейся изъ рукъ варварскаго правительства.

Поэтому генераль-адъютантъ Кауфманъ въ апрѣлѣ 1870 года снарядилъ русскую миссію въ Бухару, главою которой назначилъ полковника Носовича, заслужившаго всеобщее вниманіе знаніемъ характера туземцевъ и умѣніемъ обращаться съ ними. Въ составъ миссіи вошли: генеральнаго штаба капитанъ Костенко, два офицера, два чиновника, переводчикъ, врачъ и конвой изъ 50 казаковъ.

Главною цѣлью было окончательное успокоеніе бухарцевъ, которые должны были увидѣть въ миссіи желаніе Россіи поддержать и упрочить мирныя отношенія съ сосѣднимъ ханствомъ, а также торговыя и политическія связи. Такимъ образомъ, задача миссіи была не изъ легкихъ тѣмъ болѣе, что въ это время разнесся слухъ, что въ Бухару прибыло изъ Кабула афганское посольство, въ средѣ котораго будто бы находились и англійскіе комиссары. Но нѣкоторыя данныя, а въ особенности совершенно различныя условія, въ которыхъ находилось бухарское правительство прежде и теперь, давали нѣкоторое право надѣяться, если не на благопріятный исходъ переговоровъ, то по крайней мѣрѣ на личную безопасность членовъ миссіи.

Въ дѣйствительности миссія удалась, главнымъ образомъ вслѣдствіе опытности и тактичности полковника Носовича. Эмиръ по всѣмъ пунктамъ сдѣлалъ уступки справедливымъ требованіямъ русскаго правительства.

Миссія въ Кашгаръ въ 1875 г. ⁴⁾. Во время несогласій, возникшихъ въ 1860 году между Кокандомъ и Китаемъ, полководецъ Худояръ-Якубъ-бекъ овладѣлъ обширною территоріею и городомъ Кашгаромъ. Опьяненный успѣхомъ, онъ позволилъ себѣ въ перепискѣ съ Туркестанскимъ генералъ губернаторомъ употреблять

⁴⁾ Историческій Вѣстникъ 1887 г. № 12. «Русское Посольство въ Кашгаръ въ 1875 году».

крайне дерзкія выраженія. К. П. Кауфманъ послалъ къ нему миссію съ настойчивымъ требованіемъ установить прямыя сношенія съ Кашгаромъ по Кокандскимъ владѣніямъ. Начальникомъ миссіи былъ назначенъ генеральнаго штаба полковникъ Скобелевъ. Миссія не достигла цѣли, едва не погибла и спаслась только благодаря храбрости и находчивости Скобелева.

Посольство въ Афганистанъ ⁶⁾ было послано къ эмиру подъ главенствомъ генерала Столѣтова. Подобно многимъ нашимъ дипломатическимъ предпріятіямъ, оно оказалось бесполезнымъ для насъ, гибельнымъ для эмира и необыкновенно выгоднымъ для Англіи, для которой создало прекрасный предлогъ и поводъ показать еще разъ подвластнымъ ей вассаламъ свою политическую мощь.

Въ составъ посольства вошли: полковникъ Разгоновъ, топографъ Бендерскій, два переводчика, докторъ Яворскій и 22 казака.

Посольство было организовано крайне небрежно. Извѣстно, что въ Азіи положеніе челоуѣка въ мірѣ опредѣляется подарками, а потому этикетъ подарковъ играетъ такую видную и вліятельную роль во всѣхъ дипломатическихъ сношеніяхъ, что на нихъ слѣдовало, казалось бы, обратить вниманіе. При снаряженіи же нашей посольской миссіи въ Кабуль въ основу была положена идея совершенно неумѣстной экономіи. Первымъ принималъ нашу миссію на бухарской землѣ 18 лѣтній сынъ эмира чиракчинскій бекъ, выславшій навстрѣчу посольства почетную депутацію за 40 версть съ угощеніемъ и палатками для отдыха. Въ Чиракчи-же предложенный миссіи достарханъ состоялъ болѣе, чѣмъ изъ 30 блюдъ. Въ оплату за такое угощеніе, гостепріимство и уходъ, генераль Столѣтовъ могъ подарить только по почетному халату членамъ депутаціи, а самому беку присоединилъ къ халату еще и серебряныя часы. Взамѣнъ халата и серебряныхъ часовъ, чиракчинскій бекъ прислалъ миссіи семь лошадей, покрытыхъ парчевыми и бархатными попонами, причемъ на нѣкоторыхъ были уздечки, украшенныя бирюзой, семь пачекъ халатовъ, между которыми имѣлись парчевые, шалевые и шелковые. Кромѣ того, къ подаркамъ были приложены сахаръ, леденцы и т. п. угощенье. Еще роскошнѣе были подарки самого эмира бухарскаго: онъ одарилъ русскихъ кусками бархата и шелка, халатами изъ каракульскихъ мерлушекъ, нѣжными, какъ колхидское руно. Но кромѣ того подвелъ еще семь лошадей, покрытыхъ парчевыми, шитыми золотомъ по-

⁶⁾ Путешествіе русскаго посольства по Афганистану и Бухарскому ханству въ 1878—1879 гг. Доктора Н. П. Яворскаго. Почти дословныя выписки изъ этого интереснаго очерка.

понами и имѣвшихъ уздечки, оправленные въ серебро и украшенные бирюзою и кораллами. Столь же щедро надѣлили генерала Столѣтова и его свиту бекъ карминскій, которому, по всему вѣроятію, также преподнесли серебряные часы съ халатомъ или безъ онаго. Вскорѣ послѣ этого наступила очередь нести присланные генераломъ Кауфманомъ подарки самому эмиру афганскому. Какъ же были эти драгоценности, предназначавшіяся владѣтельному и независимому князю, активной дружбою котораго мы желали заручиться?.. Во-первыхъ, трость съ гранатовою рукояткою, которая хотя и была покрыта сплошь бирюзою, но бирюзою мѣстною, «Кокандскою», очень низкаго достоинства въ 600 рублей. Во вторыхъ, бирюзовый поясъ, вещь серебряная, застежка золотая, цѣною въ 400 рублей. Затѣмъ нѣсколько кусковъ парчи и нѣсколько халатовъ парчевыхъ, бархатныхъ и суконныхъ. Генераль Столѣтовъ былъ поставленъ въ ужасное положеніе.

Посольство наше не было въ достаточной степени знакомо съ обычаями азіатскаго этикета и совершило поэтому много безтактностей.

Въ научномъ отношеніи предполагались: рекогносцировки, съемка мѣстности, описанія, сборъ статистическихъ свѣдѣній. Для этого при миссіи находился топографъ Бендерскій, а доктору Яворскому для опредѣленія высотъ проходимыхъ долинъ и переваловъ былъ выданъ ртутный барометръ. Что-же оказалось? При распаковкѣ барометра ртуть найдена вылившеюся, хотя трубка была совершенно цѣла. Вылилась же ртуть потому, что барометръ былъ выданъ изъ топографическаго отдѣла старый, бывшій нѣсколько разъ въ починкѣ и имѣвшій дурно завинченный кранъ. Разумѣется о запасной ртути также никто не подумалъ, и въ результатѣ неизвѣстный въ барометрическомъ отношеніи край такъ и остался неизвѣданнымъ.

Встрѣченъ былъ въ Кабулѣ генераль Столѣтовъ по-царски. Масса народа подняла крикъ, призывая на миссію благословеніе четырехъ калифовъ, а вся афганская знать, которая только была на лицо, сопровождала русское посольство до назначеннаго для него помѣщенія. Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти наследнаго принца Абдуль-Джана, какъ снѣгъ на голову, въ Кабулѣ явилось требованіе англо-индійскаго правительства принять и его посольство. Озадаченный такою неожиданностью, Ширъ-Али поспѣшилъ отказать, отговариваясь трауромъ по сынѣ. Но англичане настаивали, и тогда, посовѣтовавшись съ генераломъ Столѣтовымъ, эмиръ афганскій наотрѣвъ отказалъ въ приѣмѣ англійскаго посольства.

Миссія наша, кромѣ генерала Столѣтова, занятого переговорами, скучала, такъ какъ русскихъ, даже доктора, не пускали въ городъ, боясь, чтобы англійскіе шпіоны и агенты не учинили какой-либо непріятности или вреда урусамъ и тѣмъ не повліяли на дружеское расположеніе договаривавшихся государствъ. Вскорѣ генераль Столѣтовъ уѣхалъ въ Ташкентъ и Ливадію, а миссія, подъ начальствомъ произведеннаго въ генералы Разгонова, вернулась въ Россію. До отъѣзда положеніе миссіи было невыносимо, такъ какъ Англія объявила войну и три корпуса ея вторглись въ Афганистанъ. Генераль Столѣтовъ не вернулся во главѣ обѣщанныхъ тридцати тысячъ войскъ и русское вліяніе навсегда было потеряно въ Афганистанѣ.

Мы нарочно нѣсколько подробнѣе остановились на организациі нашихъ посольствъ въ государствахъ Средней Азіи и на дѣятельности временныхъ военныхъ агентовъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ онѣ являются отрицательными примѣрами того, что должны дѣлать командируемые офицеры. Къ крайнему сожалѣнію, у нашихъ дѣятелей въ Средней Азіи, принадлежащихъ не только къ составу арміи, но, что именно и удивительно, къ дипломатическому корпусу, выработалось мнѣніе, что съ азіатами рѣшительность и твердость должны выражаться грубостью и невѣжливостью, переходящими въ дерзость. На самомъ дѣлѣ лица, хорошо знающія нашихъ средне-азиатскихъ сосѣдей, навѣрно согласятся съ тѣмъ, что вѣжливѣе и благовоспитаннѣе, на примѣръ персовъ, трудно найти. И какъ глубоко оскорбляются грубыми поступками нашихъ дипломатовъ персы, какъ отшатываются они отъ насъ, думая, что всѣ русскіе подобны присланнымъ. Между тѣмъ съ персами ласкою, вниманіемъ и вообще умѣлымъ воздѣйствіемъ на ихъ самолюбіе можно сдѣлать многое. Поэтому самымъ серьезнымъ образомъ рекомендуемъ офицерамъ, на долю которыхъ будутъ выпадать командировки въ азіатскія государства: особенно слѣдить за своими поступками и дѣйствіями, помнить, что цивилизація Турана и Ирана древнѣе нашей, и хорошенько присматриваться къ нравамъ и обычаямъ не только высшихъ классовъ, но и всего населенія. Мы глубоко убѣждены, что грубость съ азіатами, традиціонно установленная нашими дипломатами въ Средней Азіи, весьма ложный путь.

Ф. Чернозубовъ.

